

¹ Забияко А.А., ² Цзюй Куньи

^{1,2} Амурский государственный университет
^{1,2} 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатъевское шоссе, 21
¹ sciencia@yandex.ru
² j_kueen@aliyun.com

Религиозная жизнь Харбина первой половины XX в. в устных историях жителей города (по материалам Н.Н. Лалетиной)

А.А. Забияко

Цзюй Куньи

Аннотация. В статье представлены результаты реконструкции религиозной жизни Харбина первой половины XX в. по материалам устных историй бывшей харбинки Н.Н. Лалетиной (1931 г.р., Харбин; проживает г. Огре, Латвия). Материалы собирались очно в Харбине, Карловых Варах в форме интервью; в Огре в форме онлайн-беседы. Помимо общих для устных историй харбинцев тем-топосов, связанных с православной праздничной культурой города, в этих нарративах находит отражение «география» православной повседневности обычной харбинской семьи, сюжеты о религиозном воспитании в школе, факты синкретизации религиозного сознания русских и китайцев, воспоминания о попытках японизации оккупантами религиозной жизни и школьного образования в период Маньчжоу-Дого, а также личные впечатления о харбинских православных священниках-подвижниках. Отдельные разделы устных историй составляют рассказы, отражающие опыт гадательных практик харбинцев, а также разнообразие жанры устной прозы (легенды и были), посвящённые мифологеме Николая Чудотворца (Мирликийского) – харбинского заступника. В устных нарративах бывшей харбинской жительницы совместились две точки зрения – непосредственность восприятия событий религиозной жизни маленькой девочкой и оценка этих явлений с высоты прожитых лет человеком, в настоящее время также находящегося в инокультурном неправославном окружении.

Ключевые слова: Харбин, религиозная жизнь, устная история, мемораты, легенды, были, народное православие, религиозные праздники, Николай Чудотворец, Крещение, Пасха, японские культы, мистицизм, этническая идентичность, художественная этнография

¹ Anna A. Zabiako, ² Ju Kunyi

^{1,2} Amur State University
^{1,2} 21 Ignatievskoe shosse, Blagoveschensk, 675027, Russia
¹ sciencia@yandex.ru
² j_kueen@aliyun.com

Religious Life in Harbin in the First Half of the 20th Century in the Oral Stories of the City Residents (Based on Materials by N.N. Laletina)

Abstract. The article presents the results of the reconstruction of the religious life of Harbin in the first half of the 20th century based on oral stories of the former Harbin citizen N.N. Laletina (born 1931, Harbin; lives in Ogre, Latvia) about her childhood, youth, family, environment, education. The interviews were collected in person (Harbin and Karlovy Vary) and online (Ogre). In addition to the topics related to the Orthodox festive culture of the city, which were general for oral stories of Harbin dwellers, these narratives reflect the “geography” of the Orthodox everyday life of an ordinary Harbin family, stories about religious education at school, facts of syncretization of the religious consciousness of Russians and Chinese in Harbin, memories of attempts to Japanese religious life and school education by the occupiers during the Manchukuo period, as well as personal impressions of the Harbin Orthodox priests. A separate section is represented by various genres of oral prose (there were legends) dedicated to the Harbin mythologeme of Nicholas the Wonderworker (of Myra), the Harbin patron. In the oral narratives of the former Harbin resident, two points of view were combined –

the direct perception of the little girl of the events of religious life and the assessment of these phenomena from the height of the past years by a person who now lives in a foreign cultural non-Orthodox environment as well.

Key words: Harbin, religious life, oral history, memorats, legends, life stories, folk orthodoxy, religious holidays, Nicholas the Wonderworker, Baptism, Easter, Japanese cults, mysticism, ethnic identity, literary ethnography

Введение. Харбин, основанный в 1898 г. в Северной Маньчжурии выходцами из Российской империи как центр Китайской восточной железной дороги, был изначально городом многонациональным и многоконфессиональным [Аблова, 2004; Забияко, 2015; Забияко 2016]. В первую очередь это определялось самим характером его постепенного заселения: «На узком пространстве полосы отчуждения КВЖД, в Харбине, прежде всего, на протяжении более пятидесяти лет компактно проживали выходцы из России, численность которых колебалась в пределах от ста до двухсот с половиною тысяч. <...> Разумеется, русские составляли большинство. Прежде многие нерусские этносы жили порознь друг от друга, иногда на значительном удалении. В Харбине представители этнических групп стали жить бок о бок, иногда – в соседних домах или квартирах. Каждый этнос в специфических условиях тесного сосуществования в пределах российского анклава на китайской территории вырабатывал свои стратегии этнического поведения, демонстрируя в экстремальной ситуации пределы своей этнической устойчивости и другие важные качества» [Забияко, 2015, 4]. Новоявленные харбинцы – русские, украинцы, поляки, евреи, армяне, грузины, осетины, татары, белорусы, эстонцы, латыши и др. – пришли не на пустые земли, на просторах Северной Маньчжурии они встретились с ханьским, маньчжурским, корейским, монгольским населением. Они отстраивали, развивали город и близлежащие к нему территории КВЖД, постоянно соотнося своё этническое и религиозное сознание с инокультурными, неизвестными доселе традициями, привычками и установлениями [Забияко, 2015, 5]. На протяжении почти полувека в Харбине мирно сосуществовали православные, старообрядцы, адвентисты 7-го дня, пятидесятники, католики, лютеране, мусульмане, караимы, иудеи, буддисты, даосы и др.; были возведены соборы и церкви, костёл и кирха, молитвенные дома, мечети, синагоги, даосский и конфуцианский храмы [Хисамутдинов, 2015; Нестор, 1933].

Степень изученности проблемы. Религиозная жизнь Харбина первой половины XX в. – тема, весьма активно изучаемая современными учёными как в России, так и за её пределами. Особое внимание уделено в этих исследованиях наиболее крупной религиозной общине – православной. Несмотря на возросший интерес к этой теме в китайской науке, постепенному дистанцированию исследователей от её излишней политизации и идеологизации в духе «наследия российского колониализма», приходится констатировать, что работы наших коллег во многом опираются на переводы российских и зарубежных публикаций и грешат описательностью [Чжан Суй, 1986; Цзен Туо, 2011; Ши Шу, 2018; Ван Чжицзюнь, 2015; Лян Чже, 2016; Ван Ин, 2016]. Богатый же фактологический и историографический материал отечественных исследований, к сожалению, не содержит развёрнутых аналитических суждений и не обращён к религиозной повседневности дальневосточной эмиграции [Ипатова, 2006; Ефимова, 2007; Дацышен, 2007; Троицкая, 2002; Пелевина, 2015; Православие в Китае, 2010; Коростелев, Караулов, 2019 и др.].

Воссозданию полноценной и многокрасочной картины религиозности харбинских жителей помогает обращение к эмигрантским периодическим изданиям – журналам «Рубеж», «Луч Азии», газетам «Гун-бао», «Копейка» и др. [Крыжанская, 2009; Эфендиева, Зиненко, 2015; Конталева, 2018; Забияко, Конталева, 2020]. Расцветающие на маньчжурской земле увлечения мистицизмом, магией, теософией [Забияко, Землянская, 2013; Забияко, Цмыкал, 2018], стремление к мифологизации истории [Дябкин, 2014], синкретизация и радикализация религиозных взглядов [Забияко, Конталева, 2020] продуцировались и вращивались, в первую очередь, духовными элитами Харбина – писателями, поэтами, журналистами, преподавателями, политическими деятелями [Эфендиева, 2006; Эфендиева, Зиненко, 2015; Забияко, Цмыкал, 2018; Цмыкал, 2021]. При этом обычные харбинские обыватели (служащие

КВЖД, домохозяйки, учителя, ремесленники, разнорабочие) жили, стараясь сохранять усвоенные из дореволюционной жизни традиции и обычаи, передавая их детям, видя в них залог своего самостоянья. Повседневная религиозность харбинцев была постоянно соотносена с иномонастической традицией, в целом представленной традициями и верованиями азиатского населения Маньчжурии (китайцев, маньчжуров, корейцев, тунгусов и т.д.). А после 1932 г. ситуация усугубилась японским вторжением, продлившимся вплоть до 1945 г.

К сожалению, понимание важности обращения к памяти отдельного человека – свидетеля сложных исторических процессов – закономерно приходит тогда, когда события определенной эпохи осознаются уже как легендарное прошлое. Потому русские и китайские исследователи лишь в последние годы начинают предпринимать попытки полноценной реконструкции религиозного сознания жителей столицы КВЖД сквозь призму изучения харбинского текста устной истории [Цзюй Вэй, 2019; Зиненко, Цзюй Куньи, 2015; Зиненко, 2019; Забияко, 2021].

Новизна исследования и постановка гипотезы. Ценность устной истории в целом – в её многоуровневости: это «устная спонтанная народная история» или «внутренняя глубинная история» с уникальными сюжетами [Щеглова, 2020]. В отличие от мемуаров устные истории в целом характеризуются спонтанностью, импровизационностью, вариативностью – в зависимости от настроения человека, внешних обстоятельств, сопровождающих процесс собирания, даже если речь идёт об интервью с явно выраженной вопросной парадигмой. Кроме того, устные истории сохраняют стилистические и интонационные особенности речи «воспоминателя» (Е.П. Кишкина, Ли Иннань) [Цзюй Куньи, 2019]. Устная история Харбина воссоздаёт образ исключительно харбинского бытия и личного понимания событий и их саморефлексии харбинцами разных этнических и религиозных ориентаций.

Методы и методология. С 2015 по 2020 гг. сотрудниками Центра изучения дальневосточной эмиграции и Лабораторией археологии и антропологии АМГУ были проведены 10 международных фольклорных экспедиций [А.А. Забияко, А.П. Забияко, Я.В. Зиненко, Е.А. Конталева, Цзюй Куньи, Чжан Жуян] в места проживания бывших и настоящих жителей Харбина (гг. Харбин, Пекин, Санкт-Петербург, Москва, Сидней). В ходе интервью с более чем 30 информантами были собраны, систематизированы и частично проанализированы мемораты на русском, китайском и английском языках [Зиненко, Цзюй Куньи, 2015; Забияко, Зиненко, Чжан Жуян, 2018; Цзюй Вэй, 2019; Цзюй Куньи, 2020; Зиненко, Цзюй Куньи, 2021; Забияко, 2021].

Наши собеседники – люди 80–90-х лет, родившиеся в 30-е – начале 40-х гг. XX в. в Харбине или попавшие туда детьми, закончившие харбинские школы и успевшие (не все) получить среднее или высшее образование, а затем разъехавшиеся по разным странам и континентам; лишь некоторые из них (метисы, китайцы) в настоящее время живут в Китае.

Собранные нарративы включают в своё семантическое поле 2 уровня устной харбинской истории: так называемое «мифологизированное знание» [Щеглова, 2020] – услышанные от родителей и старших сверстников рассказы о предках, о причинах их исхода в Маньчжурию, Харбин [Цзюй Вэй, 2019], и собственные свидетельства очевидцев жизни Харбина 30–50-х гг. прошлого века. В совокупности общих лейтмотивов, развиваемых тем-топосов эти нарративы (легенды, были, бывальщины, мемораты) составляют так называемый «харбинский текст» устной истории [Цзюй Куньи, 2019]. Большой пласт «харбинского текста» составляют нарративы о религиозной жизни Харбина. Наиболее целостными и репрезентативными среди них представляются устные истории Наталии Николаевны Лалетиной [ЦИДВЭ АМГУ; Забияко, 2021].

Обсуждение результатов исследования. Лалетина (Николаева) Наталия Николаевна (1931 г.р.) родилась в г. Харбине, в семье бывшего военного, участника Ледяного похода, и домохозяйки. Её отец был родом из Ямбурга (городка по Нарвой), мать родилась в Читинской области и привезена в юном возрасте в Харбин. Там её выдали замуж за богатого китайца, от которого она ушла. Сына бывший супруг у неё отсудил. Её дочь от второго мужа Николая Николаева, Наталия, училась в русской, японской, затем советской школах. В 1954 г. вместе с мамой и первым

«Ходили, конечно, все праздники, обязательно. Потому что так было надо, в воскресенье или там какой праздник, в тот праздник ходили. Ну, когда в школе учились, то не очень днём можно было пойти, конечно, в церковь. Но когда из школы шли в праздник, заходили в Собор, потому что это было по пути, потому что мы были там мимо каждогой день. Мимо церкви ходили, мимо Собора и, конечно, забегали, утром особенно, потому что надо было бежать в школу, торопиться, и без выученных уроков бежали к Николаю-Чудотворцу за помощью, чтобы не спросили, сегодня к доске не позвали. <...> Ну, в церковь, конечно, ходили и причащаются, особенно когда День Ангела восьмого сентября. Мне всегда папа покупал мне лаковые туфельки черные, белые носочки, мама всегда шила шёлковое платье, на голове бант – у нас не принято платки было носить девочкам. Вообще, считалось раньше, считалось по закону, что девочкам не обязательно носить платок до той поры, как только она становится девушкой, ну, то есть, когда начинается уже созревание <...> Тогда надо надевать обязательно какую-нибудь панамочку, или какую-нибудь шляпку и не носили. Никто в платках не ходил. У нас все женщины ходили в шляпках, летом и зимой всегда шляпки. И, конечно, в церковь ходили в шляпах. Какие уж там, у каждого своя шляпа была, как говорится, то, что, летом, конечно, всегда ходили в лёгких таких соломенных, которые искусственно шили такие модницы, шляпницы их называли» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 31 августа 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Илл. 2. Наташа Николаева. Саманный городок, Харбин (1940 г.)

он, конечно, с того, что мы начали учить из Библии первую книгу “Ветхого завета”. Это было для нас очень трудно, но у нас был очень хороший священник. Священник был отец Николай Труфанов². Он был в своё время и полностью, пока я жила в Харбине, он был настоятелем храма Покровской церкви³. Сказать о нём – это ничего не сказать. Это замечательный, добрейший... <человек>... Я помню, у него была такая вот седая борода. Ясные, такие добрые глаза. Он приходил и вот нам рассказывал все о Ветхом завете. Ну, что мы там понимали, не понимали... Конечно, это было трудно, потому что не могли мы себе представить, что там люди жили семьсот, восемьсот лет – там же так говорится. И, конечно, на уроке всегда была тишина, дети вообще никогда не баловались <...>

Потом мы закончили этот Ветхий завет и снова начали учить – уже Новый завет. Но здесь, конечно было все очень ясно, понятно. Потому что отец Николай приходил и рассказывал целую притчу по очереди с момента – с начала и до конца – жизни Иисуса Христа. И вот эти все притчи – “Притча о блудном сыне”, “Притча о воскресении Лазаря”, притча о том, как он пятью хлебами накормил целое... не знаю, сколько там человек, рыбой, которую тоже ловили, и вот пятью

хлебами и рыбами накормил целое, наверное, поле людей. Ну, в общем, все чудеса, как он говорил – когда избивали женщину-блудницу, рассказывал, о том, как вход Господен в Иерусалим, Пасху, как его пытали, как он висел на кресте, как он воскрес, потом эта Пасха» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 31 августа 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Воспоминания о церковных службах абсолютно не ассоциируются в рассказах Наталии Лалетиной с принуждением, обременением. Напротив, не лишены живых юмористических подробностей. Из них можно воссоздать образ молодой харбинки, искренне желающей следовать православным установлениям, несмотря на родительскую религиозную индифферентность. Определяющую роль в формировании непосредственного религиозного радения, безусловно, играла личность духовного наставника Николая Труфанова:

«Итак, началось обучение первого января, прошли все Святки, Рождество, Святки и так далее и мы, значит, где-то с короткими перерывами на праздники, начали учиться. И конечно, когда начался Великий пост перед Пасхой, конечно, нас повели строем, мальчиков ребятишек, в церковь, и мы там говели целую неделю предпасхальную. Ну, как говели? Значит я помню, что девочки стояли с левой стороны в этом храме, мальчики с правой, причём было распятие с правой стороны, а сейчас оно почему-то поставили его с левой стороны в этом храме⁴. И вот мы... я помню, что мы на колени становились... Кажется, сейчас это третья неделя, а тогда была четвертая неделя Великого поста, и мы в эту неделю ходили и кланялись, становились на колени, на колени и читали молитву Ефрема Сирина <...> Нас научили этой молитве, и мы её читали обязательно. И когда читаешь, нужно было вставать на колени и кланяться, каждый раз, там она из трёх частей состоит.

Ну, ещё очень хорошо помню, что когда мы там молились, то на стороне мальчиков-первоклашек оставались лужицы [смеётся. – Авт.], потому что мальчишки не могли удержаться. А попросить в церкви выйти в туалет, наверно, не было возможности. Ну, почему-то мы всегда уивлялись, что у мальчишек были лужицы в церкви там, где они стояли. Ой, Боже мой...

<...> Ну, во-первых, нам надо было соблюдать пост. Я помню, ... у нас посты не соблюдали в семье, ни папа, ни мама, но мне приходилось им говорить, что я должна поститься. Что значит поститься? Значит, не есть мяса и, наверно, не пить молоко и сливочное масло <не есть>, тогда, наверно, особенно его и не было. Молоко-то было, конечно, потому что у соседей брали, у коровников. И вот я помню, что мама мне варила в пост такой суп с фасолью. Это был очень вкусный суп фасолевый. И вот я постилась. Ну, в этот пост, значит, он нас, отец Николай, исповедовал. И вот, как сейчас помню, мы стояли с левой стороны, там, где девочки, где женщины на левой половине, там был аналой, и он нас по четыре-пять человек-малюток ставил перед этим аналоем, накрывал нас епитрахилью, но предварительно говорил про наши грехи. Не спрашивал, а говорил: “Учительницу не слушали? Маму с папой не слушали?”

Первого января, ещё при японцах было дело, потому что церковь праздновала всегда в то время; значит, мы первого приходили в школу после Нового года, ну, не самого первого, где-то там после Рождества. У нас служили молебен. Почему служили молебен? Потому что начало года. Служили в актовом зале, приходил отец Николай Труфанов со своим дьяконом, и служили молебен на начало года. Дети молились, чтобы хорошо учиться. Ну, молились, конечно, как всегда, Господу Богу, потом Николаю Чудотворцу, обязательно Иннокентию Иркутскому, чудотворцу⁵. Он был покровитель науки. Ну, был и есть, конечно.

Молебен был торжественный всегда, с песнопением. Пели все. У нас был хороший хор в школе, потому что хорошо учили нас...

<...> Потом были какие ещё молебны? В праздник, например, праздник Николая Чудотворца, зимний, весенний обязательно, день памяти Николая Чудотворца, да. Потом на Рождество, естественно, на Пасху пели. <...> У нас был намоленный⁶ актов^{ый} зал» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 8 сентября 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Илл. 3. Учащиеся вышешкольных и начальных классов Народной школы на Таможенной (Почтовой) улице. 1945 год. Наталия Николаева – в третьем ряду, шестая.

В историях Наталии Лалетиной не только расписаны харбинские православные маршруты, исхоженные маленькой девочкой, её родителями и подругами в зависимости от места их учёбы, праздничных служб и житейских обстоятельств. К примеру, все большие церковные праздники семья Лалетиных отмечала в Свято-Николаевском Соборе.

При этом праздновали все – и русские, и китайцы. Н. Лалетиной запечатлены яркие детали православных праздников (Крещения, Вербного Воскресения, Пасхи, Масленицы) в их русско-китайском восприятии:

«Расскажу, как мы ходили на Иордань светить воду на Сунгари, на Крещение. Ну, во-первых, всегда был очень сильный мороз. Меня одевали в валенки, шубу, на голове большой тёплый капор, и физиономия была завязана, конечно, шарфом. Было время, когда я отмораживала щеки. <...> Ну, мы ехали сначала из-за Саманного городка на трамвае до Собора, после Собора, значит, пересаживались на другой трамвай. Ну, зачастую ходили пешком, потому что трамваи были переполненные, и народ шёл, валил прямо вот валом! Причем с каждой церкви же шли с хоругвями, с хором, конечно, вокруг стояли китайцы, глазели. Они всегда знали, что у русских “ламатый”, и сегодня праздник, что будут купаться, потому что, ну как-то уже, это же было так, как говорится, в обычаи вошло зимние. Ну вот, и потом доходили до Сунгари, там, на Полицейской <улице> собирались последние годы, когда уже Благовещенский храм был, на Полицейской улице, то там собирались все церкви, со всего города. И вот шло такое духовенство с хором, с хоругвями шли все сзади люди. Уу просто полгорода собиралось. И вот доходили до Сунгари, до Набережной, спускались там по спуску и шли. А китайцы уже заранее готовили всё это. Там стоял крест...

<...> И вы знаете, так вот... ну крест красивый, очень красивый крест всегда стоял, и прорубь. И, конечно, там было... туда было не подступиться, трещал <лёд>, как говорят... Люди купались ... и никаких там моржей в то время не было, и никто заранее не тренировался в этой холодной ледяной воде. А вот люди шли с Богом. Разделись, перекрестились три раза, нырнули, выскочили. Их тут сразу, ну кого куда, кого во что: в валенки, в штаны, сверху шубейка, шапка.

<...> Вы знаете, это было все с молитвой, с верой. Никогда не было случая, что кто-то заболел или умер, нет. Потом, значит, ну, молодёжь и особенно

не такая молодёжь, зелёная, которая сейчас гуляет, такие не гуляли. Такая молодёжь, вот которая в двадцать там лет, двадцать пять, их не было гуляк, именно гуляк. Они приезжали тоже, были – крестились в Иордани, всё. А вот люди уже женатые, семьи, с детьми садились на толкай-толкай⁷ и на тот берег, по льду на толкай-толкае к “Деду-виноделу”. Ну, а у “Деда-винодела”, конечно, пельмени горячие, значит, горячий чай, самовар, посередине стоял огромный самовар, и подавали на стол самовар, <...> люди ели-пили, конечно, и водочка, и всё остальное. Но это-то не все. Это так, любители. В основном люди, которые верующие, конечно, ехали домой. А мы – моя мама, отец, – мы шли втроём, набрав водички, ну водичку трудно было набирать, я говорю, что толпа была огромная. <...> Никто никакими банками или там бочками не брали. Брали просто обычную пол-литровую бутылку, потому что она считалась, что это вода священная, освящённая именно в Крещение» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 6 сентября 2020 г.) [ЦИДВЭ АМГУ].

«А в праздник особенно любили ходить в Собор, когда была Суббота Вербная. <...> Ну, любили туда ходить, потому что там собиралось полгорода ребят, молодёжи, все с вербой. Китайцы уже приготавливали к этому дню букетик вербы с цветочком, обязательно. Такая красотища. Перевязан ленточкой и вставлен неживой такой, матерчатый красивый такой цветочек, по вкусу выбирай, какой хочешь. У каждой церкви, около Собора, всегда стоял китаец с этими вербочками, и можно было купить у него какую угодно вербочку. Так что это был очень хороший сервис. Ну, во всяком случае, потом обязательно на заутреннюю Пасхальную мы ходили, конечно, тоже, в свой храм. И всю неделю ходили в свой храм. Уже побольше я стала, уже после сорок пятого года – уже не ходили со школой, всё это отменили, потому что пришла советская власть. Все почти начали брать, кто хотел, паспорта советские, кто не хотел, ехали за границу, “за речку”. Ну... А в церковь-то всё равно ходили, потому что как не ходить, когда уже привыкли с молоком матери.

<...> Очень хорошо ходили на Страстной неделе в четверг со святым огнём. Носили туда китайские бумажные фонарики, оттуда свечки, зажжённые огоньки, зажжённые свечки вставив в этот фонарь и вперёд. Идём стайкой девчонок с огоньками, красиво, китайцы смотрят, говорят: “О... ламоза... ламатай”, это значит, церковь. “Ламоза... ламатай моя ходи, твоя ходи”⁸ ... А потом, если вдруг задует ветерком, это был Великий Четверг, двенадцать Евангелий читали священники в этот день, причём читали на всех языках, на всех, даже на китайском, и на японском читали, кстати, ну уж не говоря, что и на греческом, английском читали. Ну, на старославянском, конечно, тоже, естественно. На русском, конечно, не читалось это, на славянском, вот. Красота! Такие воспоминания тёплые. Что-то невозможно красиво было. <...>

А Пасху-то как праздновали! <...> Ну, во-первых, конечно, по всему городу, во все времена, до самого моего пятидесятого, пока я не уехала, ну, наверное, и потом, в Пасху все церкви звонили во всех церквях в колокола всю Пасхальную неделю. Потому что на Пасху никогда не было службы каждый день. А вот церкви были открыты. Стояли хлебушек, пять хлебов стояли у открытого алтаря, прямо вот там, на приступочке, возле царских врат стоял стол с пятью хлебами. И вот дверь была... Врата царские были открыты всю неделю, а в субботу этот артос⁹ так называемый, его нарезали и после обедни всем тем, кто подходил к кресту, раздавали по кусочку этого артоса, который надо было дома сохранить, положить на божницу, и он мог лежать весь год до следующего раза. И когда были больные, то людям можно было кусочек артоса давать во время болезни. Считалось, что это как причастие.

И, конечно, я хочу сказать, что всю неделю, кто хотел и кто желал, собственно, умели – не умели звонить в колокола, особенно ребятники и молодёжь, конечно. Я не знаю, как сказать, про стариков не могу сказать, но все лазили на колокольню в каждом храме, и такой звон был, всю неделю стоял звон. И китайцы уже знали, что это Пасха, что это звонят колокола. И это такой обычай, конечно, он с России сохранился. Это же не секрет, что привезли все... обычай привезены были из России» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 6 сентября 2020 г.) [ЦИДВЭ АМГУ].

После начала японской оккупации Маньчжурии в 1931 г. многонациональное население Харбина столкнулось с вынужденной необходимостью применяться к культурным и религиозным традициям завоевателей, насаждаемым с присущей японцам последовательностью. Постепенно (с 1943 г.) началась японизация школьной системы, внедрение при посредничестве прояпонского Бюро по делам российских эмигрантов в традиционное религиозное воспитание японских культов [Василевский, 1947; Хисамутдинов, 2015, 81], продолжающееся вплоть до июля 1945 г. В устных историях Наталии Лалетиной отразились непосредственное восприятие девочки-подростка не просто инокультурных, а насаждаемых извне обычаев, а также наблюдения за тем, как воспринимали эти процессы взрослые русские, её окружающие – учителя и родные (многие бывшие офицеры-белопоходники):

«Мы в школе, мы полностью зависели от японцев. Как хоть и говорят, что мы под БРЭМом [Бюро по делам российских эмигрантов. – Авт.] находимся. Белые эмигранты, ну а у нас, значит, Бюро российских эмигрантов, конечно, мы же все с навешанными были этими жетонами. Дети-то нет, родители. Сначала им навесили белые такие значки, назывались бляха, ну а потом, значит, уже начали все негодовать, что собачьи какие-то номера. Ну, они сделали потом такие жетончики в виде, как сейчас делают, когда русские... не флаг, как называется, орден что ли... двуглавый орёл. Вот вместо двуглавого орла сделали бело-сине-красный вот такой значок. Вешали, вот у мамы висит, кстати, на маминой фотографии, у неё тоже прилеплен, пристегнут. <...>

<Утром в школе> мы молились. Значит после того, как мы пропели стоя, потому что у нас было собрано детей с первого по шестой <класс> в этом вестибюле, все классы собирались, все стояли, как говорится, по ранжиру, с первых до шестых <классов>. <...> Теперь... после молитвы была торжественная официальная часть каждое утро. <...> Мы же под японцами, под колпаком. Была у нас сразу в этом вестибюле дверь в учительскую, и мы стояли молча, ожидали, выходил наш директор Пётр Алексеевич Матросов. Мы звали его Пёт Сеич, Пёт Сеич. У него было пенсне, и он так очень строго оглядывал нас из-под пенсне. Но в это время он был с опущенной головой в своём мундире. Какой-то такой у него был френч или как называется там высокий воротник застёгнутый, галстука не было, как-то вот так, вот этот френч на нем сидел как бы очень строго, потому что он вообще-то был и офицер бывший белый, безусловно. Выправка у него была военная <...>

И мы должны были все это прослушать с опущенной головой. Все. Никто не имел право поднять голову и, как говорится, и подглядывать ни в коем разе. Он выходил из этого... учительской, руки были протянуты вперёд, перпендикулярно к телу и в руках он держал такой свиток белый. Ну, что такое свиток, знаете, да? Такой скрученный, и он его нёс с опущенной головой. Затем он к нам поворачивался лицом. Мы так это слегка видели, конечно, что это так делалось, ну, подглядывали, конечно, естественно. И вот он начинал там читать. А читал он, значит, манифест Его Императорского Величества Императора Маньчжоу Го или Маньчжоу-Диго [речь идёт о Пу-И. – Авт.]. Сначала было Маньчжоу-Го, потом Маньчжоу-Диго. <...> И вот там что начиналось так: “Мы, Наше Императорское Величество, и т-т-т...”. Убей, не помню, что там было, мы не вникали в какие-то эти речи, а раз мы не вникали, мы терпеливо стояли, ждали. Он это все прочитал, потом это всё неторопливо свернул свиток, снова повернулся очень четко назад, наоборот и ушел в эту... в учительскую. После этого мы пели гимн Его Императорскому Величеству Тэнноо. Это гимн японскому императору. Он был Хирохито. Но его никогда не называли Хирохито, потому что это его имя земное, а он считался божественным жителем, потому что он высший, был ближний к Богу, и он был Тэнноо. Вот так писалось. Два О на конце. И значит, мы пели гимн Кими га ё¹⁰ [君が代 Kimi ga yo] – это гимн императору. Ну, я слова знаю, но не все... Потом, когда мы пропели этот гимн, мы слушали старшего по школе ученика шестого класса, то бишь второго класса, да, потому что было четыре отделения и два класса, который говорил: “В сторону Его Императорского Величества поклон! Сайкерэй¹¹!” И мы поворачивались все, как один, на Восток, и делали глубокий поклон в сторону его императорского величества. Конечно, на этом все кончалось, выходил опять директор и говорил: “Так, смирно, по классам расходись” <...>

<...> Ну что они делали? Они нас заставляли во все японские праздники ходить, во-первых, праздновать, обязательно в эти праздники утром мы пели марш комсомольцев ихних, обязательно пели, потом ещё у нас было...

Зимой, вернее весной, был праздник восьмого марта – это был день Лошади¹². К этому дню мы собирали всегда спитый чай, приносили в школу. Мы должны были весь год собирать этот чай, то есть выбрасывать чай не рекомендовалось. Не то, что запрещалось, но говорили, что “вы должны собрать чай, к восьмому марта принести японским лошадкам”, этим военным лошадкам. Значит, угощали их этим спитым чаем. Это был день восьмого марта, праздник дня Лошади. <...> Мы, значит, ходили на празднование Дня мальчиков¹³, День был риса¹⁴, потом День был, когда нужно было кланяться богине Аматэрасу¹⁵. Потом были всякие ярмарки в это время, а ярмарки проходили там, на площади, где был храм Аматэрасу, это был храм Дзиндзя¹⁶. Огромная площадь, огромная. Потом там после этого построили стадион, после сорок пятого года [1945]. Вот, и мы, конечно, ну как сказать, всегда принимали в этом участие, нас гоняли, как родители говорили: «Опять дети погнали кланяться». Это значит, нас погнали. А куда погнали? Погнали, например, был Праздник риса. Значит, надо было идти строем туда, в эту Дзиндзя, там кланяться опять [говорит по-японски] в сторону Его Императорского Величества, потом этой Аматэрасу кланяться надо было [Василевский, 1947].

Потом был вот этот праздник мальчиков у них, <праздник> девочек не празднуют, <праздник> мальчиков только. То они вывешивали по городу такие... как вам сказать, наверное, из бумаги, сделанные карпы, рыбы-карпы. Они везде вешали, вместо флагов они вешали карпов. Это был символ мужества мальчиков. Это вот у китайцев дети – мальчики, когда они толкают огромный персик. Вот это у китайцев, а у японцев, значит, символ мужества – почему-то карпы были» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 7 сентября 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Наталья Николаевна особенно настойчиво обращается к сюжету о том, как маленькие харбинцы, отправленные японцами убирать их кладбище, убегали незаметно к могилам русских воинов, павших в русско-японской войне. Ухаживание за «родными могилами» дети считали своим долгом, вкладывали в это всю свою душу. Подспудному противостоянию насаждаемым японцами культам способствовали естественное растворение в жизни харбинцев основ православной культуры, отсутствие догматического диктата в школе. Огромную роль в этом играл авторитет харбинских священнослужителей. Каждый из них в памяти Натальи Лалетиной персонифицирован (о. Николай Труфанов, о. Филарет, о. Нестор и др.), а некоторые обрели агиографические черты:

«У нас, значит, когда построили... по моему, где-то в сороковом году [1940] построили на Пристани большой Собор. <...> Так вот там жили моя подружка со школы, где-то с пятого класса <...>. Они жили там, в подворье этого храма. <...> А папа у неё там не то сторожем, не то дьячком, я вот сейчас не помню. Лёля Конных её фамилия была. И она мне как-то говорит: “Хочешь посмотреть Харбин сверху, свысока?” “Ну конечно, – я говорю, – конечно”. И вот мы с ней... он нас завёл туда наверх, на звонницу, а звонница... этот храм был очень высокий. И вот эта звонница, мы оттуда смотрели Харбин. Боже мой! Видели всю Китайскую улицу, абсолютно все пригороды, все улицы, вплоть аж до Фуцзядяна¹⁷. Можете себе представить, какой был прекрасный вид оттуда, с этой звонницы!

Илл. 4. Наташа с японскими студентами на фоне Св. Николаевского собора (1940 г.).

<...> Потом ещё могу рассказать о храме “Дома Милосердия”, там, где был Нестор¹⁸. Там, конечно, это детство, это моё детство. Я помню только то, что мы ходили, когда мне было наверно, года четыре или пять, вот так, когда мы там жили, жили до тридцать шестого года [1936]. Это было мне пять лет, когда мы уехали оттуда. То время я помню, что ходили всегда туда, потому что там был отец Филарет¹⁹, который потом стал патриархом в Америке, вот он умер где-то лет пятнадцать назад, наверно. Он был вообще прозорливый очень, человек-аскет, очень такой... ну, монашеский чин принял. Очень был всегда в темной рясе, был всегда такой... <...> у него была кривая такая не улыбка, а он всё время подёргивал вот так, знаете, нервически. Ну, я помню его всегда проповеди. А что именно говорил, конечно, не помню. Помню, как он читал эти проповеди. А я смотрела на него и сравнивала с Иисусом Христом, мне казалось, что это он, такой же, как и Иисус Христос. Особенно, когда стояли, конечно, в женской половине, и там на левой стене висело “Моление о чаше”, такая икона есть “Моление о чаше”, вот всегда около неё стояли, я рассматривала Иисуса Христа и его. Но особенно, вот запомнился день, когда была Троица, потому что все полы были в траве в свежей, ветки стояли берёзы и шёл такой аромат, на всю жизнь запомнившийся, аромат в церкви соединения трав с ладаном. Это что-то невообразимое. Это был такой аромат! Боже мой, это такое счастье, вот, когда мы ходили в “Дом Милосердия”. Там была церковь “Всех скорбящих радости”, но мы всегда называли “Дом Милосердия”, “Дом Милосердия” почему-то так называли» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 5 сентября 2020 г.) [ЦИДВЭ АМГУ].

Сюжетно-типологическим модусом харбинских меморатов о религиозной жизни является утопически-идеализированные представления об «избранности», «намоленности» Харбина и мифологизированные рассказы о харбинских заступниках. Одной из народных харбинских мифологем, усвоенной и русским, и китайским населением, был Николай Чудотворец (Николай Мирликийский), принимающий в фольклорных сюжетах то облик былинного богатыря – Понужая, то юродивого старичка, то неведомой могучей силы [Николаев, 1968; Забияко, 2016]. Образ Николая Чудотворца в меморатах Натальи Лалетиной и других харбинцев – яркое свидетельство народных основ православной харбинской культуры [Забияко, 2006б] – тема дальнейшего отдельного исследования и публикации.

Заключение

В данной публикации сквозь призму устных историй на религиозную тему представлено сознание простой русской девочки-харбинки, выросшей в Саманном городке – не самом фешенебельном районе Харбина, и умудрённой жизненным опытом дамы, после Китая прожившей практически полвека в СССР и сегодня вновь оказавшейся практически в эмиграции – в Латвии, в инокультурном неправославном окружении. Помимо общих для устных историй харбинцев тем-топосов, связанных с православной праздничной культурой города, в нарративах Натальи Лалетиной нашли отражение «география» православной повседневности обычной харбинской семьи, сюжеты о религиозном воспитании в школе, факты народной православной религиозности и синкретизации религиозного сознания русских и китайцев в Харбине, воспоминания о попытках японизации оккупантами религиозной жизни и школьного образования в период Маньчжоу-Диго, личные впечатления о харбинских православных священниках – духовных наставниках и настоящих подвижниках, жанры несказочной прозы о харбинских заступниках. Последние не только эксплицируют представления о «намоленности» города и его промыслительной роли в русской истории, обнажают народные основы православной культуры Харбина [Забияко, 2006б], но и создают отдельный разножанровый фольклорный текст художественной этнографии Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.

Благодарность

Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)».

Acknowledgement

The research is supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-00318 “Images of Russia and China in literary ethnography (based on materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 1920s – 1940s of the 20th century)”.

Библиографический список

1. Аблова, Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.) / Н.Е. Аблова. – М.: Русская панорама, 2004. – 432 с.
2. Ван Чжицзюнь. Краткое изложение исследований по истории русского православия в Харбине / Ван Чжицзюнь // Мировая религиозная культура. – 2015. – № 6. – С. 149–157 (王志军. 哈尔滨俄罗斯东正教史研究综述 // 世界宗教文化. 2015. № 6. 页 149–157).
3. Ван Ин. О жизни русских эмигрантов в Харбине / Ван Ин // Мудрость. – 2016. – № 1. – С. 261–262 (王莹. 试论俄罗斯移民在哈尔滨的生活 // 才智. 2016. № 1. 页 261–262).
4. Василевский, В.А. Харбинская эпопея / В.А. Василевский // Русская жизнь. – 1947. – 9 янв.
5. Дацышен, В.Г. Христианство в Китае: история и современность / В.Г. Дацышен. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. – 240 с.
6. Дябкин, И.А. Неомифологизм как этнорелигиозный феномен культуры дальневосточного зарубежья: дис. ... канд. филос. наук. 09.00.14 / И.А. Дябкин. – Благовещенск, 2014. – 186 с.
7. Епископ Нестор. Маньчжурия – Харбин / Епископ Нестор // Русская Атлантида. – 2005. – № 16. – С. 27–47.
8. Ефимова, М. Вера сквозь века. История римско-католической церкви Дальнего Востока России / М. Ефимова. – Владивосток, 2007. – 244 с.
9. Забияко, А.А. «Я очень хочу встретиться с тобой – живым свидетелем истории Харбина»: эмигрантский архив Валентины Хан / А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Е.А. Конталева, О.Е. Цмыкал // Emigrantologia Słowian. – 2018. – Vol. 4. – С. 15–28.
10. Забияко, А.А. Беседы с русской харбинкой: Любовь Николаевна Ли / А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуянь. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2018. – С. 212–229.
11. Забияко, А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина / А.А. Забияко. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – 437 с.
12. Забияко, А.А. Религиозные искания писателей дальневосточной эмиграции: метаморфозы этнокультурной идентификации / А.А. Забияко, О.Е. Цмыкал // Религиоведение. – 2018. – № 4. – С. 131–144.
13. Забияко, А.А. Теософская утопия в культурной жизни дальневосточной эмиграции / А.А. Забияко, К.А. Землянская // Религиоведение. – 2013. – № 3. – С. 187–210.
14. Забияко, А.А. Харбинка по жизни. Наталия Лалетина / А.А. Забияко // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8: Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст. Сборник научных работ / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2021. – С. 7–51.
15. Забияко, А.П. На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации / А.П. Забияко // Забияко А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Левощко, А.А. Хисамутдинов. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2015. – С. 3–14.
16. Забияко, А.П. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности / А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 340 с.
17. Забияко, А.П. Народная религия / А.П. Забияко // Религиоведение: энцикл. слов. / Под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический Проект, 2006. – С. 672–673.
18. Зиненко, Я.В. «Мы жили в Харбине, как при царской России»: социокультурные и этнокультурные процессы 10–50-х гг. XX в. в сознании дальневосточных эмигрантов / Я.В. Зиненко, Цзюй Куньи // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11: Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2015. – С. 363–371.
19. Зиненко, Я.В. Как русский Харбин Крещение праздновал: заметки очевидцев / Я.В. Зиненко // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: материалы международной научной-практической конференции, посвящённой 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.) / Отв. ред. Ли Яньлин. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 296–305.

20. Ипатова, А.С. Православие на Дальнем Востоке: Историографический обзор / А.С. Ипатова // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 2. – С. 146–156; № 3. – С. 180–185.
21. Капинос, Е.В. «Любите Россию!» Русский Харбин в воспоминаниях Н. Николаевой / Е.В. Капинос, Е.Н. Проскурина // Русский Китай и Дальний Восток. Поэзия, проза, свидетельства: монография / Отв. ред. И.В. Силантьев, Е.В. Капинос, И.Е. Лоцилов. – СПб.: Алетейя, 2020. – С. 319–335.
22. Комарова, М.К. История Благовещенской церкви в Харбине / М.К. Комарова. – Харбин, 1942.
23. Конталева, Е.А. Окультизм и мистика на страницах харбинской периодики (по материалам журнала «Рубеж») / Е.А. Конталева // Религиоведение. – 2018. – № 2. – С. 140–153.
24. Конталева, Е.А. Религиозный синкретизм русских харбинцев: формы политического радикализма / Е.А. Конталева // Религиоведение. – 2020. – № 1. – С. 43–66.
25. Коростелев, В.В. Православие в Маньчжурии (1898–1956). Очерки истории / В.В. Коростелев, А.К. Караулов; ред. О.В. Косик. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2019. – 888 с.
26. Крыжанская, К.А. Теософские искания в харбинской культуре / К.А. Крыжанская // Русский Харбин, запечатленный в слове. – Вып. 3: Литературоведческая россика / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. – С. 42–47.
27. Лалетина, Н.Н. Японцы / Н.Н. Лалетина. – Огре: [Б. и.], 2016. – 352 с.
28. Левашко, С.С. Архитектура и архитектурная жизнь русского Харбина / С.С. Левашко // Забияко А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Левашко, А.А. Хисамутдинов. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2015. – С. 15–72.
29. Личное дело Труфанова Н.И. // Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 3. Д. 48214.
30. Лян Чжэ. Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949–2015 гг.) / Лян Чжэ. – М.: РУДН, 2016. – 248 с.
31. Мелихов, Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х / Г.В. Мелихов. – М.: Русский путь, 2003. – 440 с.
32. Митрополит Нестор (Анисимов). Очерки Дальнего Востока / Митрополит Нестор. – Белград, 1934.
33. Митрополит Нестор (Анисимов). Харбин – Маньчжурия / Митрополит Нестор. – Белград, 1933.
34. Научный музей Амурского государственного университета [Электронный ресурс]. – URL: <https://museum.amursu.ru/index.php/publikatsii/65-ru-harbin/memoraty> (дата обращения: 20.03.2021).
35. Николаев, Ю.Т. Никита Иконник / Ю.Т. Николаев. – Сан-Франциско: [Б. и.], 1968. – 88 с.
36. Падерин, Н. Церковь твою утверди: из воспоминаний о церковной жизни Харбина / Н. Падерин. – Сан-Паулу, 1967.
37. Пелевина, О.В. Православие в современном Китае: интерпретация китайских религиоведов / О.В. Пелевина // Религиоведение. – 2015. – № 3. – С. 22–31.
38. Православие в Китае / Под ред. М.Л. Титаренко. – М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2010. – 256 с.
39. Слободчиков, В.А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай / В.А. Слободчиков. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 431 с.
40. Таскина, Е.П. Неизвестный Харбин / Е.П. Таскина. – М.: Прометей, 1994. – 192 с.
41. Троицкая, С.С. Харбинская епархия. Ее храмы и духовенство. К 80-летию со дня учреждения Харбинско-маньчжурской епархии / С.С. Троицкая. – Брисбен: Изд-во Н.И. Дмитровского-Байкова, 2002. – 100 с.
42. Хисамутдинов, А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. – 360 с.
43. Хисамутдинов, А.А. Русская дорога к харбинскому храму / А.А. Хисамутдинов // Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2015. – С. 73–98.
44. Цзэн Туо. О распространении и влиянии православия в Китае / Цзэн Туо, Ли Гуйсэн // Журнал Ляонинского педагогического колледжа. Сер.: Общественные науки. – 2011. – № 4. – С. 141–142 (曾托, 李贵森. 谈东正教在中国的传播和影响 // 辽宁师专学报 (社会科学版). 2011. № 4. 页 141–142).
45. Цзюй Вэй. История Харбина в воспоминаниях дальневосточных эмигрантов: мемуары vs. мемораты / Цзюй Вэй, Цзюй Кунь, А.А. Забияко // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: материалы международной научной-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.) / Отв. ред. Ли Яньлин. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 200–213.

46. Цзюй Куньи. Образ Харбина в меморатах русских эмигрантов в Австралии / Цзюй Куньи // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 13: Народы и культуры Северо-Восточного Китая / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2020. – С. 391–401.
47. Цмыкал, О.Е. Религиозный аспект поэтического этнографизма Лариссы Андерсен / О.Е. Цмыкал // Религиоведение. – 2021. – № 1. – С. 124–135.
48. Чжан Суй. Православие и православные церкви в Китае / Чжан Суй. – Шанхай: Изд-во «Сюелин», 1986. – 345 с. (张绥. 东正教和东正教在中国. 上海: 学林出版, 1986. 345 页).
49. Ши Шу. Религия диаспоры: особый режим существования Харбинской православной церкви / Ши Шу // Журнал педагогического университета Тунхуа. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 7. – С. 83–89 (史书. 侨民宗教: 哈尔滨东正教的特殊存在模式. 通化师范学院学报. 2018. № 7. 页 83–89).
50. Щеглова, Т.К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. – 2020. – № 5(13). – С. 8–22.
51. Эфендиева, Г.В. К истории церковной и духовной жизни русской эмиграции Дальнего Востока: из публицистического наследия Арсения Несмелова / Г.В. Эфендиева, Я.В. Зиненко // Религиоведение. – 2015. – № 4. – С. 170–187.
52. Эфендиева, Г.В. Поэтическая религиозность русских поэтесс-эмигранток (по страницам харбинской лирики) / Г.В. Эфендиева // Религиоведение. – 2006. – № 4. – С. 109–118.
53. Zinenko Y.V. Harbin image in the memories of its inhabitants / Y.V. Zinenko, Ju Kunyi // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 107. – P. 1791–1796.

Текст поступил в редакцию 23.06.2021.

Принят к публикации 11.10.2021.

Опубликован 23.12.2021.

¹ В Харбине был 21 православный храм.

² Труфанов Николай Иванович, протоиерей, настоятель Св. Покровского Украинского прихода [Личное дело Труфанова Н.И., 1].

³ Покровская церковь – Церковь Св. Покровская находится в стенах бывшей Украинской гимназии по Новоторговой ул. (Новый Город).

⁴ В 1998, 2017, 2018 гг. Наталия Николаевна приезжала в Харбин.

⁵ Иннокентий Иркутский (в миру Иван Кульчицкий), епископ Православной Российской церкви; с 15 (26) января 1727 года Иркутский и Нерчинский, первый правящий православный епископ Восточной Сибири (бывшие до него епископы Иркутские имели статус викариев Тобольской митрополии).

⁶ Намоленный – пропитанный истинной верой, молитвами. Слово, часто употребляемое православными харбинцами по отношению к городу и его «святым» местам.

⁷ «Толкай-толкай» (пидж., по принципу китайского удвоения глагольных конструкций в императиве) – сани, вмещающие 3 человека, отталкивающиеся шестом от ледяной поверхности Сунгари специальным человеком, русским или китайским (тоже «толкай-толкаем»). «Толкай-толкай» были любимой зимней забавой харбинцев и одновременно – незаменимым зимним видом транспорта, переправы через Сунгари.

⁸ Русско-кит. пидж.: «Русский, в храм идёшь, и я иду».

⁹ В Православной церкви хлеб, приготовляемый на закваске, освящаемый в первый день Пасхи и раздаваемый народу в субботу.

¹⁰ Кими га ё (君が代 *Kimi ga yo*, часто переводится как «Правление императора») – японский государственный гимн, принятый после реставрации Мэйдзи (1868). До 1945 года «Кими га ё» был официальным гимном Японской империи, включавшей, помимо собственно Японии, захваченные ею земли в Китае и Корее.

¹¹ *Сайкерей* – самый глубокий поклон в японском этикете.

¹² Возможно, речь идёт о празднике Танго-но сэкку (端午の節句 – празднике первого дня лошади), который отмечался на пятый день пятой луны по лунному или китайскому календарю. Другое название праздника – Сёбу-но сэкку – праздник ирисов.

¹³ Самый известный атрибут Дня мальчиков – это *кои-нобори*, бумажные или матерчатые изображения карпов, которых вывешивают на шесте перед домом. Карпов вывешивают столько, сколько в доме мальчиков.

¹⁴ В Японии, где человек «живёт рисом», выращивание этой культуры связано с верой в Самбаи – божество рисовых полей.

¹⁵ Амагерасу – богиня-солнце, одно из главенствующих божеств всеяпонского пантеона синто, согласно синтоистским верованиям, прародительница японского императорского рода.

¹⁶ Синтоистское святилище, вместе с территорией вокруг. Чаше под «дзиндзя» понимают только само святилище.

¹⁷ Фуцзядянь (в настоящее время Даовай) – район за линией города, населённый китайцами, административно не подчиняющийся русскому харбинскому управлению.

¹⁸ Митрополит Нестор (в миру Николай Александрович Анисимов; 1885, Вятка – 1962, Москва) – епископ Православной российской церкви; впоследствии Русской православной церкви за границей, затем Русской православной церкви, митрополит Кировоградский и Николаевский. Миссионер на Камчатке. В 1925 году организовал кружок ревнителей и сестричество, в 1927 году учредил Дом милосердия в пригороде Харбина, с 1931 по 1934 году служил в Скорбященском храме при нём.

¹⁹ Митрополит Филарет (в миру Георгий Николаевич Вознесенский; 1903, Курск – 1985, Нью-Йорк), епископ Русской православной церкви за границей (РПЦЗ); с 27 мая 1964 года третий первоиерарх Русской православной церкви за границей, митрополит Нью-Йоркский и Восточноамериканский. С 1931 по 1947 г. служил в храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» при «Доме милосердия» Камчатского подворья в Харбине. В 1933 г. возведён в сан игумена, в 1937 г. – во архимандрита. В 1944 г. назначен настоятелем Иверского храма на Пристанни, сменив на этой должности своего отца.

References

1. Ablova N.E. *KVZhD i rossijskaya emigraciya v Kitae. Mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina HKH v.)* [China Eastern Railway and Russian emigration in China. International and political aspects of history (first half of the 20th century)]. Moscow: Russkaya panorama, 2004, 432 p. (in Russian).
2. Vasilevskij V.A. *Russkaya zhizn'* [Russian life]. 1947, 9 Jan. (in Russian).
3. Dacyshen V.G. *Hristianstvo v Kitae: istoriya i sovremennost'* [Christianity in China: Past and Present]. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, 2007, 240 p. (in Russian).
4. Dyabkin I.A. *Neomifologizm kak etnoreligioznyj fenomen kul'tury dal'nevostochnogo zarubezh'ya*. *Diss. kand. filos. nauk* [Neomythologism as an ethno-religious phenomenon of the culture of the Far Eastern diaspora]. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Blagoveshchensk, 2014, 186 p. (in Russian).
5. Episkop Nestor. *Russkaya Atlantida* [Russian Atlantis]. 2005, no. 16, pp. 27–47 (in Russian).
6. Efimova M. *Vera skvoz' veka. Istoriya rimsko-katolicheskoy cerkvi Dal'nego Vostoka Rossii* [Faith through the ages. History of the Roman Catholic Church of the Russian Far East]. Vladivostok, 2007, 244 p. (in Russian).
7. Zabyako A.A., Zinenko Ya.V., Kontaleva E.A., Tsmikal O.E. *Emigrantologiya slavyan* [Emigrantology of the Slavs]. 2018, no. 4, pp. 15–28 (in Russian).
8. Zabyako A.A., Zinenko Ya.V., Zhang Ruyang. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Russkaya emigraciya v Kitae: opyt iskhoda* [Russia and China on the Far Eastern Borders. Russian emigration in China: the experience of the exodus]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018, vol. 12, pp. 212–229 (in Russian).
9. Zabyako A.A. *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Harbina* [The mentality of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2016, 437 p. (in Russian).
10. Zabyako A.A., Tsmikal O.E. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2018, no. 4, pp. 131–144 (in Russian).
11. Zabyako A.A., Zemlyanskaya K.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2013, no. 3, pp. 187–210 (in Russian).
12. Zabyako A.A. *Russkij Harbin, zapechatlyonnyj v slove. Hudozhestvennaya etnografiya Severnoj Man'chzhurii: russkij i kitajskij tekst* [Russian Harbin, imprinted in the word. Artistic Ethnography of Northern Manchuria: Russian and Chinese Text]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2021, vol. 8, pp. 7–51 (in Russian).
13. Zabyako A.P. *Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, pp. 3–14 (in Russian).
14. Zabyako A.P., Zabyako A.A. *Russkie Tryohrech'ya: osnovy etnicheskoy samobytnosti* [Tryokhrechye Russians: Foundations of Ethnic Identity]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2017, 340 p. (in Russian).
15. Zabyako A.P. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Moscow, 2006a, pp. 672–673 (in Russian).
16. Zinenko Ya.V., Ju Kunyi. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Istoricheskij opyt vzaimodejstviya kul'tur* [Russia and China on the Far Eastern Borders. Historical experience of cultural interaction]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, vol. 11, pp. 363–371 (in Russian).
17. Zinenko Ya.V. *Lyubimyj Harbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 120-letiyu russkoj istorii g. Harbina, proshlomu i nastoyashchemu russkoj diaspory v Kitae* [Favorite Harbin – the city of friendship between Russia and China. Materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 120th anniversary of the Russian history of Harbin, the past and present of the Russian diaspora in China]. Vladivostok, 2019, pp. 296–305 (in Russian).
18. Ipatova A.S. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far East problems]. 2006, no. 2, pp. 146–156; no. 3, pp. 180–185 (in Russian).
19. Kapinos E.V., Proskurina E.N. *Russkij Kitaj i Dal'nij Vostok. Poeziya, proza, svidetel'stva* [Russian China and the Far East. Poetry, prose, testimonies]. St. Petersburg: Aletejya, 2020, pp. 319–335 (in Russian).

20. Komarova M.K. *Istoriya Blagoveshchenskoj cerkvi v Harbine* [History of the Annunciation Church in Harbin]. Harbin, 1942 (in Russian).
21. Kontaleva E.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2018, no. 2, pp. 140–153 (in Russian).
22. Kontaleva E.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2020, no. 1, pp. 43–66 (in Russian).
23. Korostelev V.V. *Pravoslavie v Man'chzhurii (1898–1956)*. Ocherki istorii [Orthodoxy in Manchuria (1898–1956). History essays]. Moscow: Pravoslavnyj Svyato-Tihonovskij gumanitarnyj universitet, 2019, 888 p. (in Russian).
24. Kryzhanskaya K.A. *Russkij Harbin, zapechatlennyj v slove. Literaturovedcheskaya rossika* [Russian Harbin, engraved in the word. Literary Russia]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009, vol. 3, pp. 42–47 (in Russian).
25. Laletina N.N. *Yaponcy* [Japanese]. OGRE, 2016, 352 p. (in Russian).
26. Levoshko S.S. *Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, pp. 15–72 (in Russian).
27. *Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraja* [State Archives of the Khabarovsk Territory]. Fund 830. Inventory 3. File 48214 (in Russian).
28. Liang Zhe. *Pravoslavie v kontekste sovremennogo rossijsko-kitajskogo vzaimodejstviya (1949–2015 gg.)* [Orthodoxy in the context of contemporary Russian-Chinese interaction (1949–2015)]. Moscow: Rossijskij universitet druzhby narodov, 2016, 248 p. (in Russian).
29. Melihov G.V. *Belyj Harbin. Seredina 20-h* [White Harbin. Mid 20s]. Moscow: Russkij put', 2003, 440 p. (in Russian).
30. Mitropolit Nestor (Anisimov). *Ocherki Dal'nego Vostoka* [Essays on the Far East]. Belgrade, 1934 (in Russian).
31. Mitropolit Nestor (Anisimov). *Harbin – Man'chzhuriya* [Harbin – Manchuria]. Belgrade, 1933 (in Russian).
32. *Nauchnyj muzej Amurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Museum of the Amur State University]. Available at: <https://museum.amursu.ru/index.php/publikatsii/65-ru-harbin/memoraty> (accessed on March 20, 2021) (in Russian).
33. Nikolaev Yu.T. *Nikita Ikonnik* [Nikita Ikonnik]. San Francisco, 1968, 88 p. (in Russian).
34. Paderin N. *Cerkov' tvoju utverdi: iz vospominanij o cerkovnoj zhizni Harbina* [Establish Your Church: From Memories of the Church Life of Harbin]. Sao Paulo, 1967 (in Russian).
35. Pelevina O.V. *Religiovedenie* [Study of Religions]. Blagoveshchensk, 2015, no. 3, pp. 22–31 (in Russian).
36. *Pravoslavie v Kitae* [Orthodoxy in China]. Moscow: Otdel vneshnih cerkovnyh svyazej Moskovskogo Patriarhata, 2010, 256 p. (in Russian).
37. Slobodchikov V.A. *O sud'be izgnannikov pechal'noj... Harbin. SHanhaj* [About the sad fate of the exiles ... Harbin. Shanghai]. Moscow: ZAO Centrpoligraf, 2005, 431 p. (in Russian).
38. Taskina E.P. *Neizvestnyj Harbin* [Unknown Harbin]. Moscow: Prometej, 1994, 192 p. (in Russian).
39. Troickaya S.S. *Harbinskaya eparhiya. Ee hramy i duhovenstvo. K 80-letiyu so dnya uchrezhdeniya Harbinsko-man'chzhurskoj eparhii* [Harbin Diocese. Her temples and clergy. On the occasion of the 80th anniversary of the establishment of the Harbin-Manchu Diocese]. Brisbane: Izdatel'stvo N.I. Dmitrovskogo-Bajkova, 2002, 100 p. (in Russian).
40. Khisamutdinov, A.A. *Rossijskaya emigraciya v Kitae: Opyt enciklopedii* [Russian emigration in China: the experience of the encyclopedia]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2002, 360 p. (in Russian).
41. Khisamutdinov A.A. *Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, pp. 73–98 (in Russian).
42. Ju Wei, Ju Kunyi, Zabyiako A.A. *Lyubimyj Harbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 120-letiyu russkoj istorii g. Harbina, proshlomu i nastoyashchemu russkoj diaspory v Kitae* [Favorite Harbin – the city of friendship between Russia and China. Materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 120th anniversary of the Russian history of Harbin, the past and present of the Russian diaspora in China]. Vladivostok, 2019. pp. 200–213 (in Russian).
43. Ju Kunyi. *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Vyp. 13: Narody i kul'tury Severo-Vostochnogo Kitaya* [Russia and China on the Far Eastern Borders. Peoples and Cultures of Northeast China]. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo Amurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2020, vol 13, pp. 391–401 (in Russian).
44. Tsmyskal O.E. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2021, no. 1, pp. 124–135 (in Russian).
45. Shcheglova T.K. *Istoricheskij kur'er* [Historical courier]. 2020, no. 5(13), pp. 8–22 (in Russian).
46. Efendieva G.V., Zinenko Ya.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. Blagoveshchensk, 2015, no. 4, pp. 170–187 (in Russian).
47. Efendieva G.V. *Religiovedenie* [Study of Religions]. Blagoveshchensk, 2006, no. 4, pp. 109–118 (in Russian).
48. Shi Shu. *Zhurnal pedagogicheskogo universiteta Tunhua* [Tonghua Normal University Journal]. 2018, no. 7, pp. 83–89 (in Chinese).

49. Zhang Sui. *Pravoslavie i pravoslavnye cerkvi v Kitae* [Orthodoxy and Orthodox Churches in China]. Shanghai: Izdael'stvo "Xueling", 1986, 345 p. (in Chinese).
50. Zheng Tuo, Li Guiseng. *Zhurnal Lyaoninskogo pedagogicheskogo kolledzha* [Liaoning Teachers College Journal]. 2011, no. 4, pp. 141–142 (in Chinese).
51. Wang Zhijun. *Mirovaya religioznaya kul'tura* [World Religious Culture]. 2011, no. 6, pp. 149–157 (in Chinese).
52. Wang Ying. *Mudrost'* [Wisdom]. 2016, no. 1, pp. 261–262 (in Chinese).
53. Zinenko Ya.V., Ju Kunyi. *Evropejskie trudy po social'nyim i povedencheskim naukam* [European Proceedings of Social and Behavioural Sciences]. 2021, vol. 107, pp. 1791–1796 (in English).

Submitted for publication: June 23, 2021.
Accepted for publication: October 11, 2021.
Published: December 23, 2021.